

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. В. Маркин

Региональная социология:
проблемы социальной
идентификации и моделирования
российских регионов

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Markin_Regionalnaya.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Маркин В.В.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И МОДЕЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

РЕГИОН В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В современном общественном сознании как отражение общемировых тенденций на рубеже тысячелетий значительно усилился интерес к региональной проблематике.

В известных тезисах о будущем социологии Э. Гидденс, еще в конце 80-х годов XX века указывал, что «надо будет обратить более пристальное внимание на процесс внутренней регионализации даже самых непротиворечивых из современных государств, а также взаимосвязи этого процесса с теми формами социальной организации и социальных связей, которые выходят за национально-государственные рамки» [8; 67].

Это положение тем более актуально для современного российского общества, которое очевидно является одним из самых противоречивых в своей социальной организации и взаимосвязях регионального порядка. Региональная дифференциация России имеет глубокие объективные основания. Расположенная в девяти часовых поясах (когда астрономическое время прямо социализируется более чем на треть суток), практически во всех известных природно-климатических зонах (от вечной мерзлоты до субтропиков), с огромным различием наборов природно-сырьевых ресурсов и их освоенности (от уникальных и богатейших до бедных или исчерпанных), населенная множеством этносов (от крупнейшего — в более 115 млн. русских до сверхмалых в сотни человек), достаточно типичных и уникальных конфигураций поселенческо-расселенческих структур, различающихся даже не по уровню социальной освоенности (здесь могут быть разные методики), а по элементарным показателям людности и плотности на 1 км² на порядки, Россия объединяет множество региональных сообществ в особых условиях жизнедеятельности каждого из них.

Региональная дифференциация России значительно усилилась в процессе социетальной трансформации. Распад СССР, «суверенизация» отдельных субъектов Российской Федерации, разрушение межрегиональных социально-экономических связей, усиление националистических тенденций явились существенными факторами углубления диспро-

порций в положении российских регионов, дезинтеграции их в общероссийском пространстве. Лишь в последнее время удалось несколько стабилизировать социально-экономическую и политическую ситуацию в стране и приостановить процесс дезинтеграции регионов.

В известной мере это произошло за счет восстановления властной вертикали, укрепления государственных структур в регионах и обращения к наиболее острым региональным проблемам. Однако, нечеткость целевых установок государственной региональной политики и фактическое отсутствие стратегических приоритетов регионального развития, снижает эффективность общегосударственных и межрегиональных проектов и программ, не обеспечивает скорейшее преодоление социально-экономической отсталости, повышение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности большинства регионов.

Определению общегосударственной региональной политики должна способствовать основательная разработка в научном и правовом аспектах базового понятийного аппарата, в том числе и социологическом плане. Вошедшее в лексикон отечественного обществознания сравнительно недавно (в 70-х годах XX века) с подачи ученых сибирской экономико-социологической школы А.Г. Аганбегяна и Т.И. Заславской понятие региона послужило основой для возникновения новой междисциплинарной области знания и практики — регионоведения (регионология, регионалистика), которая развивается в исследованиях практически всех ведущих научных центров страны. Несмотря на это, понятие «регион» остается весьма многозначным, употребляемым в разных контекстах без должной внутренней категоризации адекватной качеству того или иного типа социально-пространственной локализации для которой это понятие предназначено.

В общем регионоведении принято понимать регион как пространство, произвольно ограниченное и выделяемое человеком на основе известных критериев. При этом, называются два основных вида регионов: гомогенные — по какому-то одному определенному критерию (например: южные, сырьевые, трудонедостаточные и т.п.) и функциональные, — по соотношениям центра и местности. Здесь, как правило, используются комплексные характеристики: социально-экономические, государственно-административные и т.д. Данная типология содержит лишь фрагментарную социально-пространственную локализацию условий жизнедеятельности социально-территориальных сообществ, слабо отражая институциональную сущность региона.

В действительности произвольно ограниченное и выделяемое на основе определенных критериев пространство всегда так или иначе социализировано в институциональном плане, т.е. имеет определен-

ную общественно-значимую функцию — социальное воспроизводство на данной территории; внутреннюю структуру организации этого воспроизводства; внешнюю среду, в том числе взаимодействия с другими регионами и центрами (поскольку любой регион есть часть более общего социума); определенную социально-нормативную базу вышеуказанного воспроизводства и внешних связей; властно-управленческие механизмы, обеспечивающие реализацию основной функции и взаимодействий.

Слабая социальная институциональная проработанность понятия «регион» отражается и в неразвитой правовой трактовке. Впервые в современном российском праве оно было употреблено в «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803, где регион определен как «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и других условий» и в дальнейшем практически остался без содержательного наполнения.

С учетом вышесказанного, мы выделяем базовые регионы — субъекты Федерации выступающие как государственные социально-экономические территориальные образования, оформленные высшим правовым (конституционным) статусом и имеющие для его реализации собственные органы законодательной и исполнительной власти. В социологическом плане они представлены региональными социумами как достаточно крупными социально-территориальными сообществами людей, имеющими внутреннюю дифференциацию (по социальным статусам, включающим в себя политические, экономические, культурные, этнические и др. характеристики) и определенную социально-региональную идентификацию (идентичность). В общесоциетальном плане они являются субсоциумами, входящими в общероссийский социум с той или иной степенью интеграции.

Внутри базовых регионов находятся микрорегионы (субрегионы), которые могут выделяться как по различным гомогенным, так и по функциональным признакам, чаще всего оформляемым в виде административно-территориальных образований и (или) социально-экономических зон, образуемых субъектом РФ и (или) муниципальными образованиями (по современному законодательству — городскими округами, муниципальными районами, поселениями), органы местного самоуправления которых взаимодействуют с органами государственной власти субъекта РФ на основе разделения полномочий по предметам ведения и совместного управления по отдельным вопросам местного и государственного значения в договорном формате. По определенному гомогенному признаку внутри базового региона и (или) муниципального

образования могут быть выделены поселения или районы компактного проживания этносов, не относящиеся к титульным в данном субъекте РФ или составляющие в нем меньшинство. Также можно выделить поселения и районы отраслевой принадлежности (фабрично-заводские, сельскохозяйственные, железнодорожные, рыболовецкие, шахтерские, нефтяников и т.п.). Особый статус имеют закрытые административно-территориальные образования и наукограды (ближе к гомогенному критерию), органы местного самоуправления которых взаимодействуют непосредственно с федеральными органами власти.

В социологическом аспекте микрорегионы представляют собой социально-территориальные, как правило, поселенческие (межпоселенческие) общности местного характера, в которых происходит непосредственное взаимодействие людей по вопросам жизнедеятельности в условиях данной среды обитания.

Современная структура базовых регионов России (субъектов РФ) сложилась во многом спонтанно-исторически. Большинство их (в основном это области и края Европейской части) осталось от губернского деления XVIII-XIX веков в новых конфигурациях, другие — республики, автономная область и автономные округа — возникли в 20-30-е годы XX века как административно-территориальные образования по национально-автономному основанию, третьи — края и области Азиатской части России — в результате социально-экономического освоения данных регионов и разукрупнения старых губерний. Во всяком случае, нынешнюю структуру базовых регионов России вряд ли можно считать оптимальной. С одной стороны, обширность территории страны и особенности различных ее частей (в том числе, и не в последнюю очередь, национально-этнических) требуют федеративного устройства государства и высокой степени самостоятельности его субъектов. С другой, — деление на 89 субъектов крайне ассиметричной конфигурации является излишне дробным. Как известно, в результате региональных референдумов три субъекта в 2008 году прекращают свои полномочия, войдя в более крупные.

Очевидно, этот процесс может продолжиться, поскольку слишком большое число регионов, непосредственно выходящих на федеральный уровень власти, затрудняет государственное управление страной, снижает возможности стратегического и оперативного решения общегосударственных вопросов, регулирования межрегиональных отношений, эффективного контроля процессов в регионах и т.д.

Наряду с базовыми регионами следует выделить макрорегионы, имеющие особое значение в межрегиональном взаимодействии и общероссийской интеграции. К тому же и сами регионы испытывают

потребность в организации межрегионального сотрудничества, особенно в социально-экономическом плане. В свое время на территории РСФСР сложилось 11 макроэкономических регионов (Северный, Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный). Такое районирование использовалось в территориальных схемах централизованного социально-экономического планирования и материально-технического обеспечения народного хозяйства. Оно и сегодня используется в государственном прогнозировании и программировании социально-экономического развития, в частности при разработке федерального бюджета.

Под влиянием интересов бизнеса отдельные руководители субъектов, испытавших негативные последствия дезинтеграции, с середины 1990-х годов стали формировать горизонтальную сеть межрегиональных ассоциаций социально-экономического взаимодействия, которая постепенно охватила все российские регионы. Деятельность этих ассоциаций регулируется федеральным и региональным законодательством (например, Федеральным законом от 17 декабря 1999 г. «О принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации»).

Несмотря на объективные и субъективные трудности, в том числе, претензии отдельных членов на лидерство и не всегда лояльное отношение к ним общегосударственных структур, спорадический характер взаимодействия, деятельность этих формирований стала определенным фактором интеграции регионов, способствовала восстановлению горизонтальных связей, дала импульс новой макрорегиональной структуре.

Важную роль в этом процессе играет восстановление вертикальных связей через федеральные округа. Созданные в 2000 г. по одному из первых указов Президента РФ В.В. Путина, они представляют новую форму макрорегиональных политико-административных образований. Сформированы 7 федеральных округов: Центральный (центр — Москва), Северо-Западный (Санкт-Петербург), Южный (Ростов-на-Дону), Приволжский (Нижегород), Уральский (Екатеринбург), Сибирский (Новосибирск), Дальневосточный (Хабаровск). В каждый округ назначается полномочный представитель Президента РФ с весьма разветвленным аппаратом, в который входят помощники, представители общегосударственных структур (в том числе — силовых) в ранге заместителей первых руководителей соответствующего ведомства, федеральные инспектора в субъектах.

Прошедшие годы показали своевременность создания этого института, его достаточно высокую значимость в общегосударственном и

межрегиональном управлении. Вместе с тем, состав отдельных федеральных округов не вполне учитывает не только макрорегиональную социально-экономическую и социокультурную, но даже географическую специфику. Так, относящиеся к Поволжью — Волгоградская и Астраханская области оказались в Южном федеральном округе, уральская Пермская область (ныне — край) — в Приволжском, а сибирская Тюменская область — в Уральском. Весьма громоздкими получились Приволжский и Центральный федеральные округа. Представляется, что соответствующие изменения оптимизируют их структуру в качестве основных макрорегионов России, будут способствовать специализации и кооперации базовых регионов, преодолению диспропорций в их социально-экономическом развитии.

Очевидно, назрел вопрос и об укрупнении отдельных субъектов РФ (областей) в Центральной части и Поволжье. Однако, помимо формальных правовых процедур (референдумов и т.д.), это должно опираться на тесные межрегиональные связи и четко просчитанные перспективы развития совокупного потенциала, учитывать фактор региональной идентификации (вплоть до названия нового укрупненного субъекта).

Главные цели регионального развития — укрепление единого социально-экономического пространства, целостности и безопасности страны — должны осуществляться с учетом институционального фактора, связанного с социально-пространственным локусом идентичности, что определяет социологический дискурс рассмотрения региональной идентификации и социального моделирования российских регионов.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Значимость социально-пространственной (территориальной) идентификации в региональном плане определяется тем, что в силу несравненно расширившихся возможностей (в том числе, за счет научно-технического прогресса и других факторов), среда жизнедеятельности социально-территориальных общностей становится не просто неким данным условием их коллективной жизни (требующим адекватной адаптации), а предметом социального проектирования использования всего совокупного потенциала территории для повышения уровня и качества жизни, оптимального социального воспроизводства.

При этом интересы и проекты-ожидания локальных сообществ не всегда конгруэнтны интересам и проектам социетальных (в смысле общенациональных) и транснациональных сил. Отмечая это, М. Кастельс в фундаментальной работе, посвященной XX веку и концу тысячелетия,

пишет: «Вместе с технологической революцией, трансформацией капитализма, упадком государственности мы пережили в последнюю четверть века всеобщий взрыв мощных проявлений коллективной идентичности, которая бросает вызов глобализации и космополитизму от имени культурной уникальности и стремления людей контролировать собственные жизни и среду обитания» [40, с. 2].

Региональная идентификация предполагает выработку и закрепление определенных социальных представлений — образов субсоциетальной принадлежности к локализованному социальному пространству.

Известный исследователь социальной идентификации Э. Эриксон считает ее исходным уровнем индивидуально-личностный уровень, когда отдельный индивид соотносит и отождествляет себя и других с социальными образцами, группами, типами, признаками и т.д. По его определению, индивидуальность — это твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувства адекватности и стабильного владения личностью собственным «Я», способности к полноценному решению задач, встающих на каждом этапе развития [37].

Однако, региональная (территориальная) идентичность, особенно в российских условиях, имеет четко определенный групповой (коллективный) генезис и выражается в социальном представлении через «слитный» образ «Я — Мы». С. Московичи, раскрывая социально-психологический механизм выработки таких представлений, выделил способы, с помощью которых «обыденные» значения атрибутируются личностям, группам и событиям в определенном субсоциуме. Он отмечал, что в процессе социализации в непосредственной культурной среде индивиды постепенно научаются понимать действия или ситуации определенным способом внутри их культуры. В этом случае они согласовывают свою деятельность с деятельностью других членов сообщества (группы) и участвуют в передаче этих значений тем, кто связан с ними. Таким образом, значение событий, идентифицирующих сообщество (в данном случае — региональное), не создается индивидами как таковыми (оно ими может быть только выражено), но культурно совместно используется как социальные представления [25].

Эти представления, идентифицирующие региональное сообщество как субсоциум, закрепляются, легитимизируются и воспроизводятся в сети коммуникаций: межличностных, личностно-групповых, межгрупповых внутри регионального сообщества, где региональная принадлежность присутствует латентно на подсознательном уровне и обнаруживается лишь при сравнении с другими региональными сообществами («Мы и они») или в каком-то особом случае типа регионального прецедента

(«У нас») и при позиционировании себя во внешней среде — идеологизированной форме.

Синтезированными образцами таких представлений могут быть: традиционных (патриархальных) — большое семейство; модернистских — корпорация; постмодернистских — сетевое сообщество со всеми их атрибутивными признаками. Групповое (коллективное) начало региональной идентификации, в противоположность некоторым другим социально-психологическим механизмам идентификации, например, гендерным, профессиональным и т.д., переводит «Мы» в «Я».

Региональная идентификация также предполагает значительную укорененность данного территориального субсоциума (сообщества) и (или) принадлежность к однозначно определенной локальной территории проживания. Ряд российских исследователей социальной идентичности (Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева, Р.Ф. Туровский и др.) отмечают амбивалентность и неустойчивость региональной идентификации, связывая это прежде всего с многозначностью трактовки регионов как территориальных образований, границы которых задают ее рамки [2; 34].

Вопрос о границах, конечно, имеет важное значение для региональной идентификации, она действительно привязывается к конкретной территории. В тех или иных пределах, время от времени, они могут изменяться. Но вопрос не в самих границах, а в отношениях социальных субъектов, в изменяющихся социально-экономических условиях их деятельности, степени социальной освоенности данной территории.

В этом плане, определенные подходы к социальной идентификации регионов содержатся в исследованиях специалистов по экономической и социальной географии. В работах С.Н. Бобылева и Н.В. Зубаревич представлены пространственные образы российских регионов, дается комплексный анализ проблем их развития, предлагается статистически обоснованная система показателей и индикаторов, позволяющая типологизировать регионы по пересечению базовых признаков уровня социально-экономического развития и освоенности территории: «богатые и освоенные», «богатые и слабоосвоенные», «бедные и освоенные», «бедные и слабоосвоенные». В их публикациях обосновываются показатели социального развития регионов в глобальном контексте, где показывается региональное многообразие при усиливающейся неоднозначности воздействия глобализации на разные части общенационального пространств [27, с. 3-77; 11; 14, с. 49-60].

Не менее важной в региональной идентификации является поселенческо-расселенческая структура территории. Урбанизация, освоение новых и исход со старых освоенных территорий, некоторые другие факторы обуславливают образование сложных конфигураций сетевых

структур мегалополисов, конурбаций, агломераций, втягивающих в себя целые гроздья поселений и в то же время, сохраняя, а в отдельных случаях расширяя обезлюженное пространство. Публикации А.В. Дмитриева, М.Н. Межевича, А.М. Лолы дают основательные представления об этой стороне социально-пространственной идентификации [10; 18, с. 104-121].

В то же время подвижность отдельных групп, перемещающихся с одной территории на другую, а это, как правило, активные субъекты, является важным фактором отмеченной амбивалентности и неустойчивости региональной идентификации даже в условиях относительной стабильности границ. Более того, этот фактор носит социально-конфликтогенный характер, что основательно показано в исследованиях А.В. Дмитриева и других специалистов по социологии миграции [3; 13].

Методологически важным является учет этнического фактора амбивалентности и подвижности региональной идентификации, отмеченное Л.М. Дробизевой, В.Н. Ивановым, В.А. Тишковым и другими исследователями социально-этнических общностей и межнациональных отношений, особенно в условиях традиционно подвижных полиэтнических регионов или регионов с относительно устойчивой социально-экономической структурой, пополняющихся новыми массовидными группами мигрантов [12; 15; 33].

С одной стороны, сложившаяся региональная идентичность является условием адаптации таких групп, с другой, — эти группы вносят нечто новое в социальные представления «старожилов» о своей региональной принадлежности, которая может восприниматься и синтезироваться обеими сторонами. Эта диффузия идентичности может выходить в социальное проецирование, например, лучшего использования природных ресурсов и других факторов регионального потенциала или, напротив, породить конфликтные ситуации и усиливать указанную амбивалентность.

Региональная идентификация имеет социокультурное содержание, которое по существу и служит ее ядром. Развивая социокультурный подход П. Сорокина, который, как известно, выделял три основных компонента в нем: субъекты взаимодействия; значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы [28, с. 193], современные отечественные исследователи А.С. Ахиезер, Л.А. Беляева, Л.Г. Бызов, Н.И. Лапин, А.Л. Темницкий и др. рассматривают региональную идентификацию в контексте общесоциетальной

трансформации российского общества, отмечая ее противоречивость, прежде всего в социально-ценностном плане, указывают при этом на относительную устойчивость региональных социокультурных образов [4; 7; 16; 31]. Социокультурный подход к выявлению такой стороны региональной идентификации как ментальность регионального сообщества рассматривался в ряде публикаций автора [19; 20; 29].

Однако, не только сам по себе сложный набор признаков (маркеров) создает трудности социально-региональной идентификации, но и продукт ее — региональная идентичность — оказывается многослойным дрейфующим образом, требующим постоянной, по меньшей мере, трехуровневой экспликации. По определению авторов «Энциклопедии государственного управления», региональная идентичность — тип социальной идентичности, «образующий самостоятельный структурный уровень территориальной идентичности, как вызревающего во времени и культурном пространстве процесса самоидентификации населения региона»; «сложный социокультурный конструкт, передающий процесс самоопределения индивида в региональной общности с точки зрения ингруппового подобия (т.е. включающего представления о своей группе, культуре, языке, историческом прошлом и образе жизни)»; наконец, это и «уровень соотнесения определенной общности, проживающей на одной территории, имеющей свои нормы и ценности, автостереотипы, формируемые на основе их соотнесенности с гетеростереотипами, иными картинами мира» [36, с. 148-149]. Это положение делает необходимым исследование региональной идентификации посредством социального моделирования.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Региональная идентификация и ее продукт — социально-пространственная идентичность в социологическом плане прямо связаны с социальным моделированием. Для такой связи есть ряд оснований. Во-первых, региональная идентификация и социальное моделирование регионов имеют единый генезис и целевую направленность — установленные тождества (сходства) (от лат. *identificare* — отождествлять) какого-то качественно определенного образца (лат. *modulus* — мера, образец) некоему социально-пространственному прототипу (объекту, процессу, явлению) регионального плана. Во-вторых, и региональная идентификация, и социальное моделирование регионов предполагают опознание принадлежности к данному локализованному социальному пространству

через социальное представление типичного или конкретного региона, мысленный или условный образ, аналогичный ему. В-третьих, региональная идентификация и социальное моделирование регионов имеют общую структуру социальных субъектов (акторов, агентов), которые по П. Бурдье, занимают определенные позиции и диспозиции и в соответствии с ними организуют и преобразуют региональное пространство. Этот габитус является одновременно и идентичностью, и социальной моделью регионального сообщества (субсоциума).

Вместе с тем, если в идентификации, особенно в социально-психологическом плане, акцентируются моменты эмоционально-когнитивного, неосознаваемого отождествления субъекта себя с другими субъектами, группами, образцами и т.д., то в моделировании по определению происходит как раз осознаваемое отождествление, выражающееся в целенаправленном создании определенного аналога прототипа (объекта, процесса или явления), воспроизводящего в символической форме его характерные черты. Региональная идентификация, как уже отмечалось, носит в известной мере спонтанный, самоорганизующийся характер. Социальное моделирование формализует идентичность, придавая ей качественную определенность и, как правило, структурированность. Посредством моделирования может выявляться и устанавливаться амбивалентность и подвижность региональной идентификации. Идентичность выступает как объект и результат моделирования в структурно-функциональном (структурно-факторном) и динамическом видах и через него может верифицироваться в качестве адекватных моделей.

Социальное моделирование регионов представляет по сути проектно-исследовательскую деятельность, требующую соответствующих теоретико-методологических оснований и методико-инструментального, процедурно — технологического аппарата. В данном случае его можно определить как метод (совокупность методов) разработки и обоснования моделей в виде образов — аналогов, идентифицирующих реальные объекты-прототипы локализованного социального пространства (явления и процессы) в ретроспективном, актуальном (современном) и перспективном (прогностическом, в т.ч. поисковом и нормативном) аспектах.

Основы общей теории моделирования в социально-гуманитарных областях знания были заложены еще в 60-70-х годах прошлого века в рамках философского осмысления достижений кибернетики (Ф. Джордж, У.Р. Эшби, Б.В. Бирюков, И.В. Блауберг, Ю.А. Гастев, Е.С. Геллер, А.Н. Кочергин, В.В. Налимов, И.Б. Новак, В.А. Штоф, С.А. Яновская и др.). В социологии моделирование также получило в 70-е, а особенно в 80-е годы основательный методолого-процедурный аппарат для применения практически во всех основных направлениях [1; 5; 21; 22; 23; 24].

Региональное моделирование является одним из основных направлений экономико-математических (эконометрических) исследований. В нем широко представлена и социальная компонента (фактор). Однако, как правило, данная составляющая рассматривается в рамках определенной экономической парадигмы и имеет соответствующую содержательную интерпретацию.

В региональном социальном моделировании как предмет выступает идентификация аналога локализованной социально-пространственной реальности, специфически характерной для той или иной группировки (типов и классов) регионов. И по этому предмету важно определиться не только в эпистемологическом, но и в гносеологическом и онтологическом планах. Характеризуя гносеологическую природу моделирования в социологии авторы «Социологической энциклопедии» указывают на то, что это «опосредованное изучение социальных объектов, в процессе которого они воспроизводятся во вспомогательной системе (модели), замещающей в познавательном процессе оригинал и позволяющей получать новое знание о предмете наследования» [30, с. 665]. При этом, отмечают они, «модель и оригинал всегда находятся в известном субъекту познания объективном соответствии; в процессе познания модель замещает объект и сама становится объектом исследования; модель в определенном отношении в упрощенной форме воспроизводит объект исследования; она служит познанию объекта моделирования, средством получения новой информации об объекте; знание, полученное на модели, может быть перенесено на оригинал» [30, с. 665].

В отношениях региональной идентификации и социального моделирования регионов мы можем построить кортеж: $ru \rightarrow смр \rightarrow u(v)рсм \rightarrow РИ$,

где ru — региональная идентификация; $смр$ — социальное моделирование регионов; $u(v)рсм$ — идентификация (верификация) региональной социальной модели; $РИ$ — региональная идентичность.

Онтологическая природа социального моделирования регионов может быть раскрыта с двух сторон, одной из которых является та самая локализованная социально-пространственная реальность, аналог которой должен выражаться в модели, в отношениях подобия (тождества) к этой реальности и воспроизводить генетические, структурно-функциональные и другие значимые связи в ней. Другой стороной выступает феномен самой модели, ее форма, структура (конструкция) и т.д. В этом отношении прежде всего выделяются изоморфные и гомоморфные модели, которые в практике служат лишь идеализированными схемами и требуют экспериментальных процедур и адекватных способов объяснения [6, с. 35-41].

Более праксеологичным — является выделение дескриптивных (количественных) моделей, различие между которыми заключается в степени формализации образа — аналога — объекта — прототипа и применении адекватного способа количественного представления (квантификации и квалиметрии). Спектр математических средств (от общей теории множеств до теории потенциала) на современной компьютерной технике дает практически неограниченные возможности вычислительных операций в построении социальных моделей. Вопрос заключается в адекватности и полезности формализованных и количественно выраженных конструкций — моделей. Опыту экономико-математического моделирования: знаменитая пенсильванская модель содержит более тысячи переменных, однако «элементарная» модель В.В. Леонтьева «затраты — выпуск» оказывается более эффективной в том числе и за счет адекватности. Признанный авторитет в области прикладной математики А.Н. Крылов сравнивает математические методы с мельницей, которая перерабатывает заложенные в нее зерна.

В опытах социального моделирования регионов, наряду с другими, заслуживает внимания метод В.И. Левина, основанный на теории динамических автоматов и математическом аппарате непрерывной логики [17]. Этот метод, сравнительно недавно пополнивший арсенал математических средств гуманитарных и общественных наук, в частности, социологии, весьма конструктивен, он позволяет свести задачу моделирования широкого класса систем к стандартной операции нахождения отклика автомата — модели системы на заданные входные воздействия. Другое его достоинство состоит в развитой системе эквивалентных преобразований непрерывной логики, что позволяет решать достаточно сложные задачи, в т.ч. количественного представления амбивалентности и подвижности региональной идентификации.

Адекватно подобранные и испытанные качественные и количественные методы дают возможность построить структурные, факторные, динамические (в различных сочетаниях) виды социальных моделей регионов, и через них улавливать, устанавливать, объяснять и прогнозировать субъектные структуры и отношения на региональных полях социальной реальности, естественно не забывая при этом, что речь идет о диффузных системах, где структурно нельзя четко отделить одно сложное явление от другого, переплетенного с ним, где необходимо учитывать действие очень многих разнородных по своему характеру факторов, задающих различные, но тесно взаимодействующие процессы. Поэтому в региональных системах мы можем строить такие образы-аналоги локализованной социально-пространственной реальности, которые В.В. Налимов в свое время назвал «эскизными моделями» [26].

Эти «эскизы» так или иначе носят междисциплинарный характер (регион — комплекс), имманентно выполняются в научно-отраслевом плане, с принятыми в нем парадигмами, векторами, тезаурусом, писанными и неписанными «законами жанра», во внутренней и межотраслевой конкуренции за место в регионалистике.

Здесь вопросы региональной идентификации и социального моделирования регионов прямо выходят на их эпистемологический статус в социологии. Насколько совпадают предметы социального моделирования и социологии в контексте региональной идентификации? Как может быть определено социальное моделирование регионов в рамках социологии?

В этой связи, представляется возможным в общем виде определить объект, предмет и методологическую основу социального моделирования регионов следующим образом. **Объектом** его является региональная структура социального пространства России, **предметом** — региональная структура и сетевое взаимодействие основных субъектов (акторов) на локализованных полях российской социально-пространственной реальности. Основные категории — социальная реальность, социальное пространство (локализованное), социальная субъектность (акторы), социальная (региональная) идентификация — имеют достаточно четко выраженный социологический дискурс.

Общие методологические позиции социального моделирования российских регионов, представляют сочетание комплексного (междисциплинарного на социологической основе) подхода, связанного с системным (позволяющим рассматривать регионы как особые подсистемы единого российского общества), структурно-функциональным (дающим возможность определить взаимосвязи внутренних и внешних факторов социального развития регионов), институциональным (представляющим специфику социально-институциональной матрицы региональных сообществ), социокультурным (выявляющим ментальность региональных сообществ), ресурсным (в изучении человеческого потенциала и социального капитала в связи с другими ресурсами социального развития регионов), компаративным (в межрегиональном и межстрановом сравнениях) и конкретно-историческим подходами.

Однако, одной этой схемы, недостаточно для наполнения предмета социального моделирования регионов социологическим содержанием. Для адекватного понимания и использования (применения) основных категорий и подходов особое значение имеют концепции (теории), объясняющие моделирование региональных объектов (процессов, явлений) в социологическом смысле. Поэтому требуется такой подбор теоретических источников, который В.А. Ядов называет полипарадигмальным

подходом, основанным на гранд-теориях, разработанных в мировой (прежде всего западной) социологии и адаптированных к социологии современного российского общества [38].

При этом требуется такая организация теоретических источников, которая создавала бы эпистемологически адекватную социологическую предметность социального моделирования регионов. Основными концептами в ней как уже указывалось выступают категории социальной реальности и социальной субъектности, которые конгруэнтно накладываются на локализованное социальное пространство (поле) в концепции «социального становления» («формирования социальности») П. Штомпки. Согласно этой теории, социальная реальность есть конечный конструкт социальной жизни. Реальной социальностью, по П. Штомпке, является ее «индивидуально—структурное социальное поле».

Именно на этом поле происходит локальная (региональная) идентификация, дающая возможность конструирования (моделирования) региональной идентичности, поскольку здесь происходит первичное непосредственное включение конкретного социального субъекта (актора) в структуру всего комплекса социальных взаимодействий (от межличностных до субсоциетальных, а через них и — социетальных), поскольку регион является трансформационным механизмом, преобразующим индивидуально-структурные отношения межличностного порядка в общесоциетальные, что может непосредственно наблюдаться и фиксироваться в качестве социологического факта. С одной стороны, пишет Штомпка, «каждое эмпирически фиксируемое общественное явление, каждый социологический факт неизбежно является неразделимым сплавом индивидуального и структурного фактора», а с другой, — «каждое эмпирически фиксируемое явление, каждый социологический факт неизбежно является неразделимым сплавом исторической деятельности и неустанной изменчивости, он одновременно продолжается и изменяется» [35, с. 550]. Деятельность понимается как особого рода «равнодействующая» способностей, навыков, возможностей, знаний, намерений, амбиций, самоотречения членов общества, а также структурных условий, в которых этим членам общества приходится действовать» [35, с. 552]. Для социального моделирования регионов также весьма важен «поиск факторов, действия которых вызывают важные для людей социальные события» [35, с. 554].

А.В. Тихонов отмечает, что выделяемые П. Штомпкой «типы образования субъектности в обществе есть типы социальных механизмов регуляции сложных интегративных и дезинтергративных процессов. Каким бы социально-историческим содержанием эти механизмы ни наполнялись, в социологическом рассмотрении они представляют собой становле-

ние универсальных структур регулятивных связей и отношений» [32, с. 62-63]. Адаптируя эту универсальную схему к современному российскому обществу, М.К. Горшков особо выделяет три сферы: «социальная стратификация; социальные неравенства; социальная повседневность. Качественные характеристики и количественные показатели, с помощью которых можно описать глубину изменений в этих сферах, позволяют сделать важный вывод: к 15-летию реформ российское общество сложилось как новая социальная реальность» [9, с. 3].

В этой новой социальной реальности, наряду с позитивными изменениями, определяются и негативные. О.Н. Яницкий выделяет из них имеющие прямое отношение к региональной идентификации и социальному моделированию регионов: «Дезинтеграция и периферизация страны, расчленение транснациональными «потоками» (финансовыми, энергетическими, людскими, всеми видами криминального трафика), - пишет он, - идет на фоне продолжающегося истощения ее природного и человеческого потенциала. Возникающие ядра модернизации представляют собой «филиалы» транснациональных корпораций, практически никак не связанные с культурной почвой страны. Дрейф властвующей элиты в сторону потребительского общества на фоне массовой бедности углубляет силы раскола внутри системы: подвижность и экстерриториальность сообществ богатых против иммобильности и привязанности к «месту» бедных. Дееспособное население, которое могло бы удерживать огромную территорию страны, продолжает сокращаться, а его качественный состав (здоровье, уровень образования и квалификации) ухудшается. «Хранители» (устоев жизни, межличностных и межпоколенных связей, культурных кодов) все интенсивнее вытесняются временными «посетителями» — искателями легкой добычи» [39, с. 5].

Данные теоретико-методологические позиции исследования региональной идентификации и построение социальных моделей регионов предполагают и соответствующий социологический инструментарий для их реализации. В качестве основных источников для получения первичной информации, наряду с социологической интерпретацией статистики, могут использоваться материалы экспертных оценок, фокус-групп, массовых опросов и др. Сопоставление материалов, полученных из различных источников, в социологической интерпретации дает возможность выявлять региональную идентичность в факторных динамических социальных моделях.

СОЦИАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ В ЭКСПЕРТНОМ МНЕНИИ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

В социальном моделировании региональная идентификация имеет два основных аспекта: социальной дифференциации регионального плана и социальной интеграции (или дезинтеграции) регионов в едином общероссийском пространстве сетевых отношений. Принципиально такой подход строится на основе структурного факторного динамического моделирования регионов.

Реализуя его, Центр региональной социологии Института социологии РАН при содействии Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации ФС РФ в марте — апреле 2007 года провел социологическое исследование на основе экспертного опроса, в котором приняли участие 258 экспертов из 86 субъектов Российской Федерации¹. Экспертами были руководители законодательных органов субъектов и представители органов исполнительной власти (заместители главы субъекта по экономическим и социальным вопросам). Данные опроса сопоставлялись со статистическими данными, материалами массовых опросов по ряду регионов и анализировались в разрезе как отдельных субъектов Федерации, так и федеральных округов. Для анализа была разработана специальная методика обработки качественных и количественных данных «Регион — эксперт» с использованием математических и статистических пакетов SPSS 12, Mathcad 13, MS Office Excel 2003, Microcal Oridgin 6.0, ГИС Mapinfo Professional 7.8. Исследование посвящено оценке степени благополучия отдельных регионов; общих факторов их развития; факторов, осложняющих это развитие или способствующих ему, в частности, более эффективного использования всех видов потенциала регионов; степени влияния органов законодательной и исполнительной власти и других структур на социально-экономическую ситуацию в регионах.

Экспертами были выделены основные факторы развития регионов, сгруппированные по трем степеням влияния: значительно, умеренно и слабо влияющие факторы. Среди значительно влияющих факторов, на первом месте в большинстве регионов эксперты отметили — развитие предприятий. Второе место заняло отношение федерального центра к региону, третье — наличие (или недостаток) энергетических ресурсов. При этом оказалось, что фактор интеграции региона (его специализа-

---

¹ Коллектив исследователей: доктор социологических наук, профессор Маркин В.В. (научный руководитель), кандидат исторических наук, доцент Нелюбин А.А. (ведущий научный сотрудник), кандидат философских наук, доцент Хоц А.Ю. (старший научный сотрудник), кандидат социологических наук Муханова М.Н. (старший научный сотрудник).

ция и кооперация с другими) и инновационный не занимают ведущего положения в этом ряду.

В отдельных регионах Южного федерального округа на первое место, наряду с развитием предприятий, эксперты поставили уровень занятости населения, что вполне объяснимо по причине избыточности трудовых ресурсов. Во многих регионах Приволжского федерального округа после фактора развития предприятий указывался фактор уровня и качества жизни, что свидетельствует о резкой социальной дифференциации населения и повышенной степени социальных притязаний. В большинстве регионов Сибирского и Дальневосточного федерального округов, наряду с энергетическими ресурсами отмечена роль социально-политической обстановки и отношения федерального центра к региону.

Особенно большой разброс экспертной оценки произошел по инновационному фактору. Так, если в регионах Уральского федерального округа, экспертная оценка его значимости составляет 8,17 балла (по 10 бальной системе), то в Дальневосточном федеральном округе она почти в два раза меньше (4,5 балла).

Среди проблемных факторов, осложняющих развитие субъектов РФ, по большинству регионов наряду с демографическим фактором отмечены недостатки в межбюджетных отношениях с Центром. Они особенно болезненно воспринимаются в регионах Центрального, Северо-Западного и Уральского округов, то есть там, где меньшее число дотационных регионов. Очевидно, политика межбюджетных отношений с ними требует особых форм регулирования.

Многие эксперты подтвердили свои оценки разработанными концепциями и программами. Особого внимания заслуживают предложения по совершенствованию законодательно-правового обеспечения развития регионов. На первом месте, по их мнению, стоит необходимость принятия федерального закона об «основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации», законов, обеспечивающих инновационную и инвестиционную деятельность, соответствие между минимальным размером оплаты труда и минимальным прожиточным минимумом, государственные минимальные социальные стандарты и др. В регионах Сибирского и Дальневосточного округов отмечена проблема законодательного регулирования трудовой миграции.

В оценке степени влияния органов власти и других структур на ситуацию в регионах, обращает на себя внимание невысокий уровень влияния политических партий, которые в современных условиях работают больше на избирательных кампаниях, не имея четко выверенной и обоснованной региональной политики, реальной возможности влиять на принимаемые государственные решения и отвечать за них. При таком положении

роль сетевых структур в регионах, осуществляющих сообщение разных уровней власти и общества, центральных и региональных политических кланов, в определенной мере выполняют крупные государственные и частные корпорации, располагающие разветвленными медиа-структурами, аналитическими и политтехнологическими центрами.

В этих условиях возрастает роль централизованного контроля и транспарентности деятельности региональных органов исполнительной власти. Согласно Указу Президента РФ № 825 от 28 июня 2007 года, утверждены 43 показателя для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов в форме ежегодных докладов, которые могут стать основой для мониторинга социально-экономического положения регионов и выполнения соответствующих государственных решений. Большинство этих показателей являются статистическими, и они соответственно будут собираться по системе Росстата. Но 4 показателя — удовлетворенность населения медицинской помощью, качеством образования, отношение к уровню криминогенности и в целом удовлетворенность деятельностью органов должны формироваться по результатам массовых опросов населения (в процентах от числа опрошенных), что ставит перед социологической наукой и практикой вопросы обеспечения достоверной информации, исключения административной зависимости или ангажированности социологических служб при изучении мнения населения, единой методологии и методики проведения опросов, анализа их результатов, высокопрофессионального организационно-консультативного сопровождения всех этих процедур. Выполнение этих требований будет способствовать повышению научной обоснованности оценки эффективности регионального управления, укреплению связей государственной власти и региональных сообществ.

***

Региональная идентификация и социальное моделирование выступают основными взаимосвязанными направлениями: социологии регионов и социологии в регионах. Они могут быть развиты и обоснованы при условии постоянной рефлексии социально-экономического развития регионов, социального самочувствия различных групп региональных социумов, их удовлетворенности различными сторонами жизни и деятельности органов власти. Эта социолого-управленческая рефлексия требует постоянного диалога с регионами по поводу идентификации целей, условий и оценки основных факторов их развития и интеграции. Такой диалог с регионами должен перейти в форму полноценного социологического мониторинга и способствовать оптимизации региональной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абгарян Э.А., Абгарян Р.Э. Проблемы математизации социологических исследований. М., 1985.
2. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. Изд. 2-е. М., 2004.
3. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение. Под ред. М.К. Горшкова. М., 2007.
4. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического ответа. В 2-х тт. Новосибирск, 1997-1998.
5. Бестужев-Лада И.В., Варыгин В.А., Малахов В.А. Моделирование в социологических исследованиях. М., 1978.
6. Бирюков Б.В., Геллер Е.С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973.
7. Брызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002. №1.
8. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. 1993. Зима. Вып. 1. Т.1.
9. Горшков М.К. Российское общество как новая социальная реальность // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М., 2007.
10. Дмитриев А.В. и др. Где живет советский человек: Социальные проблемы управления расселением. М.: Мысль, 1988.
11. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006-2007 гг. / Под ред. С.Н. Бобылева и А.Л. Александровой. М.: Весь Мир, 2007.
12. Дробужева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
13. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995.
14. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: что показывают индикаторы Программы развития ООН // Региональная социология в России: Сборник материалов социологических исследований / Отв. ред. В.В. Маркин. М.: Экслибрис-Пресс, 2007.
15. Иванов В.Н. Россия: социальная ситуация и федеративные отношения. М., 1999.
16. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.
17. Левин В.И. Математическое моделирование социально-экономических процессов (автоматно-логические методы и модели). Пенза, 1997.
18. Лола А.М. Региональные системы расселения в России: их социальные роли, типы, будущее // Региональная социология в России: Сборник материалов социологических исследований / Отв. ред. В.В. Маркин. М.: Экслибрис-Пресс, 2007.
19. Маркин В.В. Региональная идентификация и социальное моделирование российских регионов: проблема социологической интерпретации // Региональная социология в России: Сборник материалов социологических исследований / Отв. ред. В.В. Маркин. М.: Экслибрис-Пресс, 2007.
20. Маркин В.В. Социальные модели и социальная политика в контексте ментальности российской провинции // Европейские социальные модели: подходят ли они для России. Пенза, 2005.

21. Математика в социологии: моделирование и обработка информации. М., 1977.
22. Математические методы в социологическом исследовании. М., 1981.
23. Математическое моделирование в социологии: методы и задачи. Новосибирск, 1977.
24. Моделирование социальных процессов. М., 1970.
25. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. №4.
26. *Налимов В.В.* Влияние идей кибернетики и математической статистики на методологию научных исследований // Методологические проблемы кибернетики (материалы к всесоюзной конференции). Т.1. М., 1970.
27. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005.
28. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
29. Социальная политика в дискурсе ментальности провинциального социума // Известия вузов. Поволжский регион. Серия общественной науки. 2006. №4.
30. Социологическая энциклопедия: В 2-х тт. Т.1. М., 2003.
31. *Темницкий А.Л.* Исследовательские возможности категории «социокультурность» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2007. №24.
32. *Тихонов А.В.* Эпистемологический статус социологического знания и некоторые проблемы внутринаучной рефлексии в отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. *М.К. Горшков*. Вып. 6. М.: ИС РАН, 2007.
33. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
34. *Туровский Р.Ф.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999.
35. *Штомпка П.* Социология. М., 2005.
36. Энциклопедия государственного управления в России: в 4 тт. / Под общ. ред. *В.К. Егорова*. Отв. ред. *И.Н. Барциц*. Т. IV. Часть I. М., 2006.
37. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
38. *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
39. *Яницкий О.Н.* Будущее России: прогностический потенциал социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. *М.К. Горшков*. Вып. 6. М.: ИС РАН, 2007.
40. *Castells M.* The Power of Identity. Oxford, 1997.